

А. Л. Никитин

НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ВОСТОКА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ

Основной целью разнообразных этнографических, археологических, палеогеографических, геоморфологических исследований, объединяемых некогда общим и точным термином «палеоэтнология», является изучение и реконструкция взаимоотношений человека с окружающей его природной средой во всем их многообразии. Однако на пути этих исследований встает много трудностей, причина которых заключается в разобщенности исследований, перечисленных выше направлений науки, решающих всякий раз свои, частные вопросы, в отсутствии разработанной хронологии и невозможности ее корреляции с хронологией природных процессов. Поэтому особенное значение приобретает каждый новый опыт подобного обобщения, дающий основу для дальнейших разработок таких исследований на той или иной территории. В настоящей статье, предлагаемой в первую очередь вниманию исследователей Севера, суммируются результаты археологических, этнографических и геоморфологических наблюдений автора в районе, еще недавно являвшемся «белым пятном» на археологической карте Северной Европы¹. Это — узкая, собственно береговая полоса юго-востока Кольского полуострова, непосредственно примыкающая к горлу Белого моря и заключенная между устьями р. Стрельна на западе и р. Пулоньга на востоке.

Археологическое изучение побережья Белого моря Кольского полуострова началось сравнительно давно, но систематический характер приобрело лишь в последнее время. Поэтому для приполярного Севера до сих пор не существует удовлетворительной культурно-хронологической классификации археологического материала, а обобщающие ра-

¹ А. Л. Никитин, Отчет о новых археологических находках на Терском берегу Кольского полуострова в 1969—1970 годах, Архив Института археологии АН СССР (далее — Архив ИА), Р-1-4171, материал хранится в Ленинградском отделении Ин-та археологии АН СССР (ср. Н. Н. Гурина, Отчет о работе Кольской археологической экспедиции в 1970 г., Архив ИА); А. Л. Никитин, Отчет об археологических работах 1971 года на Терском берегу Белого моря, Архив ИА, Р-1-4401 (материал находится в Архангельском областном краеведческом музее). В статье не рассматриваются стоянки низовьев р. Пялицы, обследованные Кольской археологической экспедицией в 1970 г., как относящиеся к более раннему времени (по Н. Н. Гуриной — 1800—2750 лет до н. э., источник датировки неизвестен). См.: Н. Н. Гурина, Древние памятники Кольского полуострова, в кн.: «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита», «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), № 172, Л., 1973, стр. 53; Н. Н. Гурина, Б. И. Кошечкин, С. А. Стрелков, Первобытные культуры и эволюция экологической обстановки в верхнем плейстоцене и голоцене на побережье Европейской Арктики, в кн.: «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене», М., 1974, стр. 233.

боты М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова для южных берегов Белого моря, равно как Н. Н. Гуриной для севера Кольского полуострова, лишь в малой степени восполняют этот пробел². Между тем особенности геологической истории этой территории в голоцене, равно как геоморфология берегов Белого и Баренцева морей, дают в руки исследователя естественную хронологическую шкалу, использование которой ставит его в совершенно исключительное положение по сравнению, скажем, с исследователями Среднерусской равнины. Не приходится доказывать, что при отсутствии для этих районов не только серий, но даже отдельных радиоуглеродных датировок, вообще мало надежных ввиду природных особенностей Заполярья, коррелирование археологических находок с историей формирования прибрежных террас и почвообразовательными процессами на них оказывается задачей исключительной важности.

Последовательные поднятия и опускания суши в голоцене отмечены серией морских террас, наиболее полно изученных на северо-западе полуострова. Отсутствие специальных исследований подобного рода для юго-востока заставляет пользоваться общей схемой М. А. Лавровой, согласно которой береговой уступ, достигающий в районе рек Чапоя и Пялица 7—10 м высоты над приливом, соответствует террасе тривиа³. Со стороны моря к этому уступу непосредственно примыкает терраса, которую можно идентифицировать с террасой остреа I (3,5—5,0 м), перекрытая тремя грядами низких дюн, следующих параллельно берегу. Как правило, поверхность дюн задернована, однако многочисленные котловины выдувания на третьей от моря внутренней гряде обнажают в обресе слой погребенной почвы, представленный мощным горизонтом темно-бурого песка с прослойками более плотного, цементированного окислами железа (ортзанды). Обычно культурные остатки приурочены к слоям ортзандов, находящихся в толще погребенной почвы (стоянка Смольная Корга возле р. Малая Кумжевая) или на некоторой глубине под ней. В ряде случаев эти остатки совпадают с верхним уровнем погребенной почвы (стоянки восточного склона Адамовой горы, стоянки у тони Скаун). Из этого следует, что в первом случае жилище располагалось на дюне в период формирования почвенного покрова; во втором случае — в период формирования самой дюны. Наконец, в третьем случае — на поверхности дюны, полностью сформированной и закрепленной развитым дерновым покровом.

Описывая геологические условия залегания археологического материала, следует остановиться еще на одной немаловажной детали. Так, исследование современных котловин выдувания убеждает, что открывают они, как правило, не древнюю погребенную почву, а лишь разрушенные еще в древности ее участки, связанные с деятельностью человека и хранящие остатки этой деятельности. Наоборот, все попытки выйти за пределы древних котловин открывают нетронутую погребенную почву, почти не содержащую находок. Ниже я покажу, какое значение для исследований имеет подобное наблюдение.

Сравнение современной и древней почв приводит к заключению, что цементированные окислами железа прослойки песка (ортзанды) в толще третьей гряды дюн отмечают уровни временной ее стабилизации, а сам процесс дюнообразования и формирования погребенной почвы

² М. Е. Ф о с с, Древнейшая история севера Европейской части СССР, МИА, № 29, М., 1952; А. Я. Б р ю с о в, История древней Карелии, М., 1940; его же, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952; Н. Н. Г у р и н а, Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова, МИА, № 20, М.—Л., 1951.

³ М. А. Л а в р о в а, Четвертичная геология Кольского полуострова, М.—Л., 1960, стр. 142 (обширная библиография вопроса охватывает все важнейшие работы предшественников).

происходил при несколько более высокой температуре и повышенном количестве осадков, после чего можно предполагать постепенное уменьшение общей увлажненности вместе с падением среднегодовых температур. Обилие крупных древесных углей (сосна, ель) в древних очагах в сопоставлении с горизонтом деградированного подзола на вышележащих террасах (тапес I и II, тривиа) указывают на существование в прошлом обширных хвойных лесов, полностью вытесненных теперь лесотундрой и мокрой тундрой.

Все изложенное выше позволяет датировать образование слоя погребенной почвы и связанные с ним археологические памятники на внутренней (третьей) гряде террасы острея I, которые и являются предметом настоящей статьи, серединой II — началом и первой половиной I тысячелетия до н. э.⁴

Рис. 1. Один из древних разрушенных очагов близ мыса Востра; на переднем плане — шлифовальная плита

Остатки древних поселений предстают перед исследователем в котловинах выдувания россыпью кварцевых орудий и отщепов вместе с кальцинированными костями морских животных (нерпа, морской заяц), сухопутных млекопитающих (олень, песец) и птиц (глухарь, куропатка, гага). Кости рыб, как правило, не сохраняются⁵. Находки концентрируются вокруг остатков каменных очагов, некогда углубленных в землю, а теперь предстающих в виде каменных линз, заключающих в себе более или менее толстый слой древесного угля (рис. 1). Общая пло-

⁴ За исключением стоянки у тони «Большая Кумжевая», залегающей в восьмом сверху горизонте орстандов под погребенной почвой первоначальной дюны и отличающейся от других памятников по материалу, носящему более ранний облик (см. А. Л. Никитин, Отчет об археологических работах 1971 г.).

⁵ Древние орудия труда, кухонные отбросы и каменные очаги находятся или в развивающихся котловинах выдувания, или уже на полностью обнаженных галечниках террас. В последнем случае возникающий галечный панцирь, на котором располагаются остатки деятельности древнего человека, является основой для укореняющейся растительности (концентрация влаги вокруг камней) тундрового типа и может снова аккумулировать песок. Если для собственно береговой полосы характерна первая стадия такого процесса, то его вторую стадию можно наблюдать на вышележащих террасах (тривиа, тапес). Соответственно и камни разрушенных очагов оказываются представлены в «обратной» проекции — не углубленными в землю, а наоборот, «вывернутыми», поднятыми над землей линзой песка, сохраненной ими от раздувания.

шадь подобных поселений составляет несколько десятков, редко несколько сотен квадратных метров, тогда как пространство, занятое находками возле одного очага, не превышает 5—6 м², что должно соответствовать реальной площади жилища. Этим расчетам — площади, форме жилища, конструкции очага — наиболее соответствует саамская вежа⁶. Исходя из количества очагов, можно подсчитать, что на каждой стоянке было от 2 до 7 жилищ, редко больше, в среднем же 3—5, что при максимальном числе обитателей каждого жилища в 4—6 человек (по этнографическим материалам⁷) дает среднее число обитателей каждого поселения в 20—30 человек.

Устройство, численность, местоположение стоянок позволяют видеть в них сезонные поселения рода, что соответствует наблюдениям В. В. Чарнолуского над бытом саамов еще в недавнем прошлом, когда охотничья территория рода ограничивалась течением какой-либо реки, а места охоты на морского зверя не были регламентированы⁸.

Обследованные стоянки занимают на местности одно из трех положений: 1 — под юго-восточным обрывом «коренного» берега (терраса тривиа), 2 — у восточного склона останца, где внутренняя дюна налегает на суглинки «коренника», 3 — возле древнего (или современного) ручья или небольшой речки, прорвавших внутреннюю гряду, но обязательно с восточной ее стороны. На юго-западном, наиболее теплом, защищенном от преобладающих ветров склоне берега не удалось найти ни одной стоянки. Это прямо указывает на то, что обитатели этих мест жили здесь в июле-августе, когда холодный и сильный норд-ост оказывается единственной защитой на берегу от многочисленного гнуса. Следовательно, стоянки второй и третьей группы были летними поселениями, тогда как стоянки первой группы, защищенные от северного ветра, наиболее удобны в сентябре-октябре, когда температура воздуха резко падает, начинаются туманы и штормы, а устойчивый «полуночник» приносит дождь и «заряды» снега.

За исключением мелких кальцинированных костей, собранных на стоянках вокруг очагов и в хозяйственных ямах, мы не располагаем прямыми данными о хозяйстве и объектах охоты людей, обитавших здесь в изучаемое время. Возможность привлечения материалов по жизни и быту саамов, населявших эту же территорию и совершавших такие же сезонные перекочевки с выходом к морю на летне-осенний период, значительно увеличивает наши возможности, тем более что для данного сезона совпадают и места поселений, и устройство жилищ (постоянные очаги). Так, список промысловых рыб, птиц и зверей, используемых саамами в прошлом веке, составленный В. В. Чарнолуским⁹, можно думать, немногим отличается от своего древнего прототипа. Существование морского промысла доказывают кости объектов охоты¹⁰, а форма и материал древних орудий, употреблявшихся обитателями береговых стоянок, вряд ли были иными, чем случайно сохранившиеся гарпуны и рыболовные крючки могильника на Большом

⁶ В. В. Чарнолуский, *Материалы по быту лопарей*, Л., 1930, стр. 42, 43, 130, 131. Каменные очаги — постоянные очаги временных жилищ, подобно тем, что бытовали у саамов на местах сезонных поселений и даже на местах ночевки традиционного кочевого маршрута (стр. 127).

⁷ Ср. Н. Харузин, *Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта)*, «Изв. Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском московском университете», т. 66, М., 1890, стр. 98.

⁸ Там же, стр. 112; В. В. Чарнолуский, *Пастьба и организация стада у лопарей*, «Кольский сборник», «Материалы комиссии экспедиционных исследований», (далее — МКЭИ), вып. 23, Л., 1930, стр. 39.

⁹ В. В. Чарнолуский, *Материалы по быту лопарей*, стр. 22.

¹⁰ Нерпы (*Phoca foetida*) и морского зайца (*Phoca barbata*), что еще раз указывает на летне-осенний характер поселений, когда только и возможна охота на эти виды морских животных.

Оленьем острове в Кольской губе¹¹. Наконечники стрел, по-видимому, в большинстве своем изготовлялись также из кости, так как здесь представлены лишь тремя обломками, типичными для поселений южного побережья Белого моря как по своей форме, так и по материалу — бело-розовому яшмовидному кремню северодвинских месторождений. Рубящие орудия стоянок нам известны тоже лишь по осколкам шлифованных топоров из сланца и роговика, причем их принадлежность автохтонному населению, равно как и указанных стрел, вызывает сомнение.

Осушавшиеся при отливе эстуарии небольших рек и многочисленные ручьи, впадающие непосредственно в море, открывали широкие возможности для пассивных форм рыболовства (заколы, заборы, ловушки, ёзы), служивших весьма эффективным средством обеспечения пищей. Зная особенности этих мест, почти непрерывный ход в реки в течение всего лета мигрирующих видов рыб (семга, кумжа, сиг), можно не сомневаться, что приморско-речное рыболовство в летне-осенний период наряду с собирательством (морозка, брусника, черника, клюква, грибы, некоторые виды корней) было основным средством получения сытной и богатой витаминами пищи. С наступлением осени, наряду с охотой на водоплавающую и боровую дичь, на первое место выдвигалась охота на диких оленей с помощью «маньщика» — ручного оленя, как это практиковалось еще недавно саамами¹², и обитатели стоянок покидали морской берег до следующего лета.

Утверждать наличие домашнего оленя в хозяйстве позднего неолита юго-востока Кольского полуострова можно, на мой взгляд, даже с большей достоверностью, чем, скажем, рыболовства. Наблюдая современный механизм разрушения почвы в тундре и последующие процессы эоловой эрозии, приходишь к выводу, что одним из главных агентов, нарушающих целостность почвенного покрова тундры, является домашний олень при содержании его на привязи или в изгороди, как то было характерно для саамов «вежного» времени¹³. Как я уже указывал, изучение стратиграфии стоянок убеждает, что культурные остатки сосредоточены исключительно в котловинах выдувания вокруг очагов, тогда как окружающая их площадь, сохранившая погребенную почву, обычно полностью лишена продуктов человеческой деятельности. Это означает, что возникновение первичного очага ветровой эрозии на дюне происходило в результате разрушения почвенно-дернового покрова не столько даже внутри жилища, сколько вокруг него. Последнее могло произойти, по моему мнению, лишь от копыт домашнего оленя, содержавшегося рядом с жилищем по 1—1,5 месяца. Сами обитатели стойбища, учитывая их мягкую обувь, вряд ли могли вытоптать дерновый покров в такой степени. Наконец, само сезонное передвижение — на озера, в тундру, к морю — диктовалось, в первую очередь, экологией домашнего лапландского оленя, с которым саамы образовывали единственный в своем роде симбиоз. При этом следует отметить, что саамский олень сильно отличается по расе от сменившего его почти целиком в наши дни большеземельского оленя, так что, вероятнее всего, domestикация их предковых форм происходила независимо и одновременно.

Переходя к вещественному материалу памятников, мы сталкиваемся с загадкой керамики, встающей перед каждым исследователем первобытного Севера. Встреченные в слое некоторых стоянок черепки свидетельствуют, что отсутствие подобных находок в других пунктах не может быть объяснено лишь несовершенным обжигом сосудов и неблагоприятными климатическими условиями. Наличие, причем в значитель-

¹¹ А. В. Шмидт, Древний могильник на Кольском заливе, «Кольский сборник», МКЭИ, вып. 23, Л., 1930, табл. II—III.

¹² В. В. Чарнолуцкий, Материалы по быту лопарей, стр. 26; его же, Пастьба и организация стада у лопарей, стр. 57.

¹³ В. В. Чарнолуцкий, Пастьба и организация стада у лопарей, стр. 29, 41.

ных количествах, керамики на озерных (зимних?) поселениях¹⁴ приводит к заключению, что древние обитатели Кольского полуострова сравнительно мало пользовались глиняной посудой, подобно саамам предпочитая деревянную¹⁵, а имевшуюся глиняную берегли и не брали в летнее кочевье.

По составу глиняного теста, внешнему виду и способу украшения три десятка черепков, собранных с четырех стоянок (Стрельна, Ручьи, восточный склон Адамовой горы, Смольная Корга), можно разделить на четыре группы, отличавшиеся по изготовлению: 1) из чистой глины без примесей, 2) с примесью органики, 3) с примесью крупнозернистого песка, украшенные ямочно-гребенчатым орнаментом, 4) с примесью асбеста. Последняя группа в свою очередь имеет два вида: а) с примесью мягкого длиноволокнистого асбеста и б) с крупными зернами игольчато-волокнистых кристаллов (актинолит?).

Восстановить формы сосудов ни одной из групп не удалось, а их распределение (территориальное) позволяет предположить, что различие примесей соответствует какому-то членению неолитического населения этих мест. Так, все находки керамики с асбестом, крупных шлифованных орудий и шлифовальных плит из розового песчаника располагаются к западу от Никодимского мыса в низовьях рек Стрельна и Чапомы. Наоборот, к востоку от Никодимского мыса и от р. Пялицы увеличивается количество кремневых орудий на стоянках, появляются отщепы и изделия из привозного северодвинского кремня и найдена керамика первой и третьей групп.

Вопрос о месте и роли керамики в хозяйстве людей позднего арктического неолита тесно связан с другим вопросом — контактами между племенами различных культур и использованием природных материалов. Исследуемый район особенно интересен, так как здесь обитатели Кольского полуострова, выходявшие летом к морю, должны были встречаться с морскими охотниками, двигавшимися на судах вдоль побережья за стадами морского зверя¹⁶, и с пересекавшими пролив обитателями Зимнего берега, доставлявшими сюда изделия из северодвинского кремня, а возможно и керамику. Они появлялись на стоянках аборигенов, теряли, выбрасывали или променивали испорченные орудия из сланца и кремня, которыми местные жители пользовались в качестве сырья для поделок. Доказательством служат найденные на стоянках сколы, куски оббитых (а прежде шлифованных) сланцевых орудий или вторично обработанные сколами предметы, сохранившие местами былую полировку. Хотя вторичное использование поврежденных орудий обычно и в областях, богатых сырьем, но здесь свидетельством контакта культуры примитивной с более высокой культурой пришельцев является смена технических приемов, отсутствие следов шлифовальных плит, а также использование готового орудия в качестве сырья для орудия менее совершенного.

Культура морских охотников, не связанных, по-видимому, с аборигенами юго-востока Кольского полуострова, но посещавших Терский берег, известна по находкам на мысе Востра между реками Стрельной и Чапомой¹⁷. Здесь в двух пунктах — Востра I и Востра II, расположенных неподалеку друг от друга по обеим сторонам пересохшего в древ-

¹⁴ А. В. Анпилов, Раскопки в Мурманской области, в сб.: «Археологические открытия 1970 года», М., 1971.

¹⁵ В. В. Чернолуцкий, Материалы по быту лопарей, стр. 97.

¹⁶ Их обширные стада, по местному «юрово», насчитывающие тысячи голов, и теперь можно увидеть в летнее время с высокого берега между Пялицей и Пулоньгой в горле Белого моря и даже услышать их рев.

¹⁷ Подробнее см. А. Л. Никитин, Памятники позднего неолита на юго-востоке Кольского полуострова, в кн. «Памятники древнейшей истории Евразии», М., 1975, стр. 124.

ности ручья, находятся остатки множества каменных очагов, достигающих 1,0—1,5 м в диаметре: более 70 очагов в пункте Востра I и около 40 очагов в пункте Востра II. Пространство между очагами усыпано осколками кварца из месторождений р. Стрельны (хорошо определяемых по характерной слабозональной окраске кристаллов) и орудиями. Среди последних скребки различных типов, скребла, нуклеусы, отбойники, шлифовальные плиты из розового песчаника, а главное — серии орудий из шифера и сланца, характернейшими из которых являются плоскочерешковые шлифованные наконечники (рис. 2, 2—4), коленчатые ножи и вкладышевые топоры.

Различная степень сохранности очагов и дифференциация некоторых типов находок возле них убеждает, что не все очаги одновременны друг другу, а сооружались по мере надобности, причем самые ранние, наиболее разрушенные, около которых почти совсем отсутствуют орудия труда, расположены в наибольшем отдалении от берега, а самые поздние, сопровождаемые в изобилии находками, — у внешней кромки террасы. По-видимому, посещения мыса Востра совершались с известными интервалами, во время которых старые очаги оказывались разрушенными и засыпанными песком. Это подтверждается окатанностью орудий и их распределением на местности.

Так, обломки шлифовальных плит, шиферные и сланцевые орудия найдены исключительно в пределах двух крайних (к морю) линий очагов и не встречены возле дальних. Примечательна и другая закономерность: возле очага ни разу не приходилось находить больше одного целого шиферного наконечника. Последние являются, вероятно, не наконечниками стрел, а концевыми копьезцами поворотного гарпуна, столь типичного орудия циркумполярной культуры морских охотников. В пользу такого предположения свидетельствуют их размеры, асимметричный профиль (плоско-выпуклый), а в особенности широкий плоский черешок, не соответствующий толщине древка стрелы. Кроме сланцевых, в употреблении были кремневые копьезца (рис. 2, 1) подобно известным по могильнику Большого Оленьего острова.

Принимая каждый наконечник у очага за гарпун, а каждый очаг — за возможное жилище экипажа одной промысловой байдары (производственный коллектив), составлявшего 5—7 человек, при одновременном функционировании 20—25 очагов в каждом из двух пунктов мы получим внушительное число охотников, изображения которых, можно думать, известны нам по петроглифам низовьев р. Выг¹⁸. Что касается датировки памятников на мысе Востра, то разрушающиеся очаги пункта Востра II лежат на погребенной почве вполне сформировавшейся дюны и, вероятнее всего, датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Изучение инвентаря стоянок юго-востока Кольского полуострова позволяет заключить, что контакты с окружающими культурами лишь в малой степени повлияли на облик орудий и на быт аборигенов¹⁹. Ис-

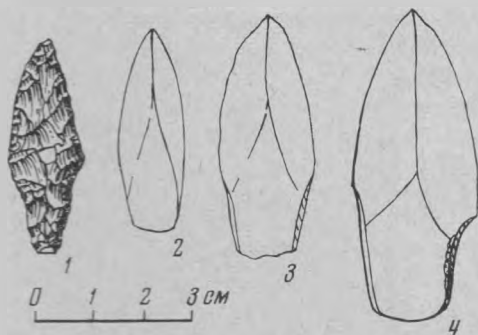

Рис. 2. Концевые копьезца поворотных гарпунов: 1 — кремнь, 2—4 — шифер

¹⁸ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. II — Наскальные изображения Белого моря, М.—Л., 1938; Ю. А. Савваев, Заларуга. Археологические памятники низовья реки Выг, ч. 1, Л., 1970.

¹⁹ Возможно, одним из таких свидетельств являются типичные Krummeiseln (когтевидные скребки), найденные на стоянке у тони «Скакун».

пользуя местные породы кварца — полупрозрачного, зернистого, молочно-белого и стекловидного (горный хрусталь), имеющиеся в достаточном количестве как в жильных проявлениях, так в виде галек и валунов, люди «арктического неолита», как по праву можно называть эту область циркумполярной культуры с кварцевой индустрией, перенесли на кремь и роговик те же приемы обработки, которые они применяли к кварцу. Особенно хорошо это видно на двух типах изделий, специфических для арктического неолита и не встречаемых за пределами его распространения. В первую очередь это плоскопризматические нуклеусы, в сработанном состоянии имеющие как бы долотовидные подтески на концах от ударов отбойника, что позволило некоторым исследователям определить их как «рубящие орудия»²⁰. Они существуют и в кремневом

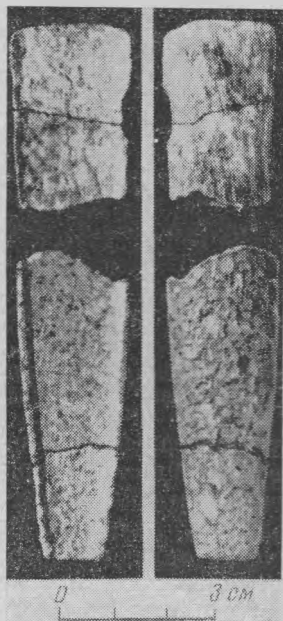

Рис. 3. Половина каменной формы для отливки кинжала (?) со стоянки близ устья р. Стрельна

и малое использование кремня в быту, хотя его небольшие месторождения все же имеются на Кольском полуострове (известняки Кислой губы, Варзуги, Имандры). Наконец, наиболее важным событием расматриваемого времени для аборигенов этого района явилось знакомство с металлом и его обработкой, свидетельством чему служат обломки

²⁰ Н. Н. Гурьина, Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова, стр. 152.

²¹ Это еще раз заставляет вспомнить старую гипотезу о происхождении первых обитателей северной и восточной части Фенноскандии непосредственно от верхнепалеолитических охотников на мамонта и северного оленя, успевших пройти на эту территорию вслед за отступающим ледником до прорыва Балтийского ледникового озера (конец IX тысячелетия до н. э.). Вынужденная изоляция первопоселенцев привела к созданию своеобразной кварцевой индустрии и domestikации лапландского оленя, так отличающегося от оленя Большеземельской тундры. Однако теперь представляется более вероятным, что переход этот произошел несколько позднее, в VIII тысячелетии до н. э., перед прорывом Анцилового озера (VII тысячелетие до н. э.), излившегося не в Северное море, как предполагали ранее, а в Белое море, на длительное время прервав все связи Фенноскандии с Восточной Европой. И действительно, наиболее ранние памятники кварцевой индустрии (культура аскола) датируются как раз VIII тысячелетием до н. э. (V. L u h o, Die Askola-Kultur, SMYA, 57, Helsinki, 1956, S. 146—149).

формы для отливки кинжала (?), найденные на стоянке близ устья р. Стрельны (рис. 3).

Находка литейной формы в совместном залегании с «асбестовой» керамикой обоих типов возвращает нас к одной из серьезных проблем не только палеоэтнологии, но и современной геологии Европейского Севера. Присутствие асбеста в тесте сосудов на этой территории вызывает исключительный интерес, поскольку до сих пор на Кольском полуострове асбест геологам неизвестен²². Его присутствие в сосудах на стоянках Терского берега могло бы быть объяснено импортом их из Карелии — скорее сосудов, чем самого минерала. Однако открытие в большом количестве керамики с асбестом на внутренних озерах²³ вновь ставит вопрос о его источниках и транспортировке²⁴.

Проанализировав имеющийся в нашем распоряжении материал по летним поселениям юго-востока Кольского полуострова, можно утверждать, что к позднему (финальному) неолиту Севера, датируемому второй половиной II — началом I тысячелетия до н. э., в этих краях полностью сложился экологически сбалансированный тип хозяйства и быта аборигенов, в которых с достаточным основанием можно видеть непосредственных предков «терской лопи» русских писцовых книг²⁵. Изучение техники обработки камня, в первую очередь кварца, делает весьма вероятным вывод о происхождении аборигенов от первопоселенцев Фенноскандии со всеми вытекающими отсюда заключениями. Подтвердить это смогут исследования более ранних памятников, чьи остатки залегают на высоких террасах трансгрессий фолас, тапес I и II, датировка которых для восточной части Кольского полуострова требует значительного уточнения по сравнению с имеющейся сейчас схемой. Не следует забывать также, что материал береговых стоянок дает представление лишь об 1/3 полного сезонного цикла кочевой жизни²⁶, и дальнейшие успехи изучения древней истории Севера зависят от того, насколько точно удастся определить традиционные пути передвижения отдельных родов и их сезонные поселения на реках и озерах полуострова.

²² Личное сообщение научного сотрудника Геологического ин-та Кольского филиала АН СССР Г. Ю. Пушкина.

²³ Н. Н. Гурина, О работе Кольской археологической экспедиции, в кн.: «Археологические открытия 1970 года», М., 1971; Ю. В. Титов, П. Э. Песонен, Новые памятники на Кольском полуострове, в кн.: «Археологические открытия 1971 года», М., 1972.

²⁴ Если стоянки Кольского полуострова указывают на северный предел экспорта асбеста из Карелии, то южный предел пока определяется свайным поселением на р. Модлоне в Вологодской области, раскопанным и частично опубликованным А. Я. Брюсовым (см. С. В. Ошибкина, Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре, «Сов. археология», 1966, № 4).

²⁵ Н. Харузин, Указ. раб.

²⁶ В. В. Чарнолуцкий, Материалы по быту лопарей.